

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Никки Козловский

Двуручник из рода палачей

«...потерявший свой верный меч ждет его в Кракове»

Никки Козловский

Двуручник из рода палачей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67235235

SelfPub; 2022

Аннотация

Марик – палач небольшого поселка. Нельзя сказать, что он живет бедно, даже наоборот – он живет в достатке, но все равно он чувствует внутри пустоту. И вот, одним утром, кто-то оставил у его двери огромный меч с затупленным клинком, но с красивой ручкой. Палач оставляет его себе в надежде найти того, кто мог его оставить.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1 – Палач из глухого края	4
Глава 2 – Встреча	11
Глава 3 – Меч у порога	21
Глава 4 – Гости	33
Глава 5 – Часть 1 – Затишье	43
Глава 6 – Часть 2 – Отлив	50
Глава 7 – Часть 3 – Буря	62

Никки Козловский

Двуручник из рода палачей

Глава 1 – Палач из глухого края

Стояло раннее утро. Вокруг колодца, чьи стенки, построенные из гладкого камня, уже давно заросли бурьяном, и на их фоне новенькие доски с веревкой выглядели инородно, стояла толпа. Хмурая и напряженная толпа. Люди в ней были преимущественно немолодыми; однако и среди них нашлось несколько стариков и столько же детей лет от семи до тринадцати. Их молодые, незрелые лица были полны энтузиазма и нетерпения, в отличие от стариков, чьи лица уже давно превратились в кожаные мешки со старческими вьющимися бородами.

Толпа стояла и чего-то ждала. Или же кого-то?

– Эй, смотрите! Марик идет!

Кто-то выкрикнул из толпы это имя, и все сразу обернулись туда, куда указывал длинный палец. По пыльной дороге тяжелыми шагами шел высокий мужчина с загоревшим лицом; у него была короткая рыжая борода и волосы, чьи концыгнулись прямо к лицу его; тело его было таким крупным и широким, что из далека могло создаться ощущение, что навстречу идет не человек, а настоящий медведь; одет он

был по-простому: белая рубаша, коричневые штаны да сапоги с загнутыми носками; а на шее его был медальон, который блеснул и искрился от пристального взора утреннего солнца.

За собой Марик тащил повозку. В ней, гремя цепями и мыча, лежал молодой человек с обритой головой и с испуганным лицом. И ужас в его глазах усилился, когда он проехал мимо озлобленной толпы.

– Сгинь. Сдохни. Сгори дотла. Нет тебе пощады, – такими словами провожали его жители поселка.

Человек задрожал, когда повозка остановилась. Марик размыл плечи, хрустнул шеей и, подойдя к повозке, двумя руками поднял молодого человека.

– Нет, стойте, это непонимание! – закричал он, когда осознал, куда нес его Марик. – Я не убивал Маринку, Богом клянусь!

И полетели в него гнилые помидоры с камнями.

– Да как ты смеешь, черт поганый, Богом молиться?! Тебя вздернуть мало! Марик, а ну-ка, высеки его!

Последнюю фразу подхватили, и гул раздался такой, что слово «Высеки!» слышали даже за рекой, в другой деревне.

Марик тяжело вздохнул, положил пленника обратно в повозку и поехал обратно по дороге. Марик не любил самосуд, уж не в данном случае так точно!

Спустя несколько минут Марик вернулся к толпе вместе с пленником, однако помимо него в повозке лежало бревно и многохвостая плетка.

– Нет... прошу... Господи... Марик, прошу тебя... – умолял человек, пока Марик привязывал его к воткнутому бревну.

Но Марик не ответил. Он лишь побольше набрал в ноздри воздуха, и оглушающе выдохнул, и в ушах раздалась тишина. Марик внимательно посмотрел на объект своей пытки, на толпу, которая негодовала, почему он медлил, на детей, которые вытиснули свои головы, и на стариков, которые покорно ждали начала выступления.

Марик был готов. Он замахнулся, вдохнул, и с оглушающим звуком, напоминавший удар грома, ударил по спине человека. Толпа заликовала, дети задрожали, старики молча смотрели на пытку. Еще удар, и теперь, даже через тишину, Марик услышал истошный крик и фразы его «Не-е-ет! Это не я-я-я!!!» Марик сжал сильнее плеть, да так, что рука его покраснела, и со всего маху, с таким, с каким вообще возможно простому человеку, он ударил по окровавленной спине. Острые крючки пронзили кожу убийцы, разорвали ее, словно ткань, а затем вырвались, пустив фонтан крови.

Человек задрожал. Ноги его поникли, забились; брызги крови падали на землю, а шмотья кожи и мяса медленно отваливались от тела. Голова человека повернулась к Марику, и на лице ее было столько отчаяния, горечи и страха, что палач просто-напросто закрыл глаза. Он сжал зубы, скривил лицо, и не глядя еще раз ударил по преступнику, а затем быстро отошел назад. Он знал, что этот удар убьет преступ-

ника, и кровь будет бить фонтаном.

Прошла секунда, другая, и Марик раскрыл глаза. Перед ним лежало окровавленное месиво, которое уже сложно было назвать человеком. Толпа же ликовала, дети сбежали, а старики странно покосились на Марика. В их глазах был только один вопрос: «зачем ты его так быстро прикончил», на что Марик не знал, как ответить. Он просто отвернулся от них, снял тело и положил обратно в повозку.

Толпа вскоре разошлась к себе по дворам, и Марик, наконец, смог отвезти тело к себе домой.

***

Поселок Духово стоял недалеко от реки Висла. Если двигаться вниз по течению, то через несколько дней можно было заметить небольшой обрыв, на котором стоял огромный камень. На этом камне были высечены слова: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные». И видя подобную фразу многие люди тут же начинали что-то подозревать:

– А не нападет ли на меня вон тот мужик? А не сдадут ли меня мои товарищи? А не устроят ли нам засаду?

Однако данные слова имеют совершенно иной смысл, и касался он исключительно Духово. Поселка, где царил самосуд через руки палача.

По пыльной дороге не спеша ехала повозка. Сзади нее, без

особого труда толкал ее высокий мужчина в белой рубаше и с рыжими волосами. Его звали Мариком. Так его назвал его отец, который, отправившись в поход в украинские земли, так и не вернулся.

Мать его была третья из рода коцких палачей, и была она единственной дочерью знатного палача – Филиппа Одноруккого, который мог одним махом срубить голову целой короле. Она вышла замуж за отца Марика, вскоре родила ему сына, а затем еще нескольких. Она любила их всех как одного, однако судьба была жестока по отношению простых, даже невинных жизней...

Все, кроме Марика, умерли, и вся материнская любовь перешла к нему. Мать его не хотела посвящать своего сына в дела семейные, и потому до четырнадцати лет растила его как самого обычного ребенка – учила вскапывать землю, ухаживать за скотом, вышивать и готовить. Женское и мужское начало объединились в нем, и вырос Марик абсолютно не тем, кем было уготовлено судьбой.

Мать его была строгой, но и доброй одновременно. Она ухаживала за своим единственным сыном, который смог выжить и во время голода, и во время эпидемии загадочной болезни, и во время нападения алкоголиков, которые были готовы изнасиловать его мать, он смог самолично оглушить троих из шести.

К сожалению, когда Марику исполнилось пятнадцать, и когда мать его была уже не молодой и уже не могла вести се-

мейные дела, ей ничего не оставалось, кроме как рассказать сыну правду. Правду о том, что он из рода палачей, и что ему придется каждый раз пытаться и казнить людей. Он не говорила «преступников», ведь кто мог в такой глуши напасть или убить. Разве что по пьяни, да и тот вскоре бы сбросился в Вислу от горя, от потери близкого друга...

Мать Марика умерла от лихорадки в одну зимнюю ночь. Похороны никто устраивать не собирался, и лишь Марику только и оставалось, что отнести ее на реку и похоронить со всеми почестями.

Он очень долго стоял над ее могилой, и слезы шли рекой. Он клялся:

– Я, Марик, твой единственный сын, продолжу наше дело несмотря ни на что!

Эти слова были искренними. Но частичка омерзения поселилась в них. Судьба, все же, взяла жизнь мальчика в свои руки.

Дом Марика стоял довольно далеко, возле местного кладбища. Оно было не большим, и много людей сюда не ходило. Считалось, что по ней бродят призраки и ноют на луну. Но ни Марик, ни те, кому была уготовлена казнь, ничего не слышали. Лишь шелест листвы от сильных ветров, которые поднимали пыль до небес.

Также и дом отличался и внешним видом: он был одноэтажным, длинным, покрашен в красный цвет; крыша на нем

была высокой и сделана из серой кровли. Если посмотреть на другие дома, то дом Марика был похож на них, разве что цветом отличался. Дверь была деревянной, но укрепленной железными плитами. Окна были слегка выпуклыми.

Довезя повозку до порога, Марик с облегчением бросил ее на землю. Он глубоко вздохнул, снова размялся и вошел внутрь. Вскоре он вышел с лопатой и сапкой, а также с самодельным крестом. Положил это все в повозку с трупом и, стараясь не смотреть на свое творение, отправился к кладбищу.

Земля сегодня мягкая, подметил Марик и принялся копать.

Выкопал глубокую яму, посмотрел наверх и понял, что уже середина дня, а значит работать сейчас нельзя. Но Марик махнул на это рукой – не хотелось, чтобы труп завонял на обжигающем солнце. Вылезая из ямы, палач одним резким движением воткнул лопату в землю с характерным приятным звуком, и, взяв из повозки тело, снова спустился вниз. Он аккуратно положил ее на спину, закрыл ей глаза и рот. Он еще минуту смотрел на свою работу.

Вскоре работа была закончена: тело было закопано, крест поставлен, и повозка двинулась обратно.

Так прошел еще один тяжелый день Марика, палача из глухого края.

Глава 2 – Встреча

Этой ночью Марик плохо спал.

Ему снился кошмар, где сотня демонов терзали тело казненного, разрывали его на части, пили его кровь, выкалывали глаза с языком. Но самое жуткое было, что казненный с ужасом смотрел прямо в глаза палачу. Он молил о пощаде.

Марик медленно обернулся на громкий звук, доносившийся у него за спиной. Огромный демон, покрытый черной короткой шерстью, смотрел на него сверкающими зелеными глазами. Рот его был огромным и бездонным, а зубы острыми и кривыми. Казалось, что одним укусом он мог разгрызть даже быка. Его огромное, распухшее тело сидело на раскаленных камнях и извивалось, когда преступник получал новые увечья. И когда сотня демонов пронзило его тело сотню крюков, а затем общим рывком разорвало тело на сотню кусочков, огромный демон с тонкими, длинными руками и лягушачьими лапами издал жуткий вой.

И затрещала земля. И вышло из нее пламя да магма. И почувствовал Марик, как его что-то схватило. Он не мог обернуться, ибо тело его было скованно. Но он слышал, как кто-то дышал ему в спину.

– Зачем ты так быстро его прикончил... – услышал он шипящий голос.

Марик почувствовал всем своим телом невыносимый ужас! Он хотел закричать, но горло его было разорвано. Он хотел убежать, но ноги его были сломаны. Он хотел сражаться, но руки его были вывернуты.

И все, что он мог, так это наблюдать за сотнями рук, которые тащили его в гиену огненную!

И тут он вскочил. Он сжал свое горло, упал на пол, покатился, выпучил глаза. Он хватался за все, что попадалось под руку и пытался встать. И, пусть не сразу, но он поднялся, и яркий свет ударил ему в глаза. Но эта боль была также коротка, как и эйфория от осознания, что это был всего лишь кошмар.

С большим облегчением Марик присел на кровать. Он закрыл своими богатырскими руками лицо, глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Окончательное успокоение пришло к нему после того, как он окунул свою голову в бочку с холодной водой.

Он обошел все комнаты, перекрестился в каждой из них, зажег свечу у иконы с ликом Божией матери и помолился за душу преступника.

– Как странно, почему же я не помню его имени, – подумал вслух Марик, выходя на пыльную улицу. – Ведь еще вчера я своими руками... – он сжал кулаки и помотал головой. Вскоре добавил: – раз забыл, значит на то воля божья.

Да, вот оно – принятие. То, чего он наконец добился. Ма-

рик уже давно перестал запоминать имена тех, кого казнил. Он не задумывался над этим до, вовремя и после казни. Однако каждый раз, когда он казнил тех, кого считал хорошими людьми, он видел один и тот же кошмар.

Тот, что он видел сегодня ночью.

Он видел его еще тогда, когда мать его покинула этот мир...

– Вот и ее могилка...

Марик даже не удивился тому, что ноги сами привели его к ней, к каменному кресту с выбитыми на нем именем, которая, со временем, слегка стерлась, и остались лишь буквы «А» и «Я».

Марик присел на землю, внимательно осмотрел могилу и спросил:

– Как ты там, матушка? Надеюсь, тебя больше не мучают они, как меня, – и сжал он горло свое.

Легкий ветерок нес осеннюю листву на восток, гнал бурный поток реки с большей силой, сдувал птиц на лету. Но Марику было словно нипочем. Он как меч в камне, как башня на холме, как скала стоял неподвижно, не моргая, не дыша.

И лишь когда сзади себя он услышал тяжелые, но быстрые шаги, то обернулся. И вместе с ним замерло все. Даже время.

Перед ним стояла фигура в черном халате. Лица и глаз ее нельзя было разглядеть из-за тьмы внутри капюшона, в

отличии от огромного меча, висящий за спиной и чье лезвие блестело на утреннем солнце.

Лишь когда ветер снова подул, и время вернула свой ход, Марик набрался храбрости и задал свой вопрос:

– Чего ты хочешь? Уходи, чужаков здесь не желают. Ты понимаешь, что я говорю?

Но фигура не ответила. Она лишь сделала несколько шагов вперед и снова замерла.

– Уходи по-хорошему. Я тебе жизнь спасти хочу...

Но фигура снова ничего не ответила. Нервы у Марика были натянуты, как тетива на луке, который готов был выпустить стрелу с ядом. И если бы фигура вовремя не развернулась и не ушла восвояси, тяжело ступая и треща чем-то металлическим, то эта стрела бы пронзила его душу насквозь.

– Кто же это был? – спросил себя Марик, шагая в сторону села.

Шел Марик до дома с поникшим выражением лица. Его терзала совесть. Она проходила по его телу, словно магма, обжигая и разрушая его изнутри. Со временем он привык к ней, приняв ее как что-то обыденное. Как испражнение после еды, или как слезы после горя.

Как только Марик вступил на тропу, идущую сквозь линию домов, то устремил свой взгляд куда-то высоко в небо. Тучи медленно сгущались над ним, с каждой секундой наращивая свою мощь. Они казались им воротами в рай, туда, куда ему не попасть. Туда, к матери и, возможно, отцу и его

братьям.

Он ощущал, как демоны рыщут по лесам и равнинам, по горам и городам в поисках его проклятой души. Он ощущал, как они жаждут его, как они мечтают сожрать его заживо, переварить в его кипящих нечистотами желудках и выbleвать, как кошка комок меха. От подобных мыслей Марику стало еще хуже, однако он не спешил успокаиваться или отвлекаться от них. Он хотел, чтобы его терзали сейчас, и отпустили потом, после смерти в забвении.

– Ох, как же мне хочется забыть все эти годы. Как же я желаю сделать что-то по истине полезное и доброе этому миру. И пусть я навечно останусь в этой низине, я хочу остаться с чистой душой.

Марик скривил лицо, сжал веки, прикусил язык. Он не хотел, чтобы его кто-то увидел.

– Марик! Ты почему плачешь?

Голос, подобный лучу утреннего солнца, прозвучал у него за спиной. Марик обернулся и увидел перед собой маленькую девочку в простом платье, поверх которого сидел белый, запачканный фартук. Он быстро и грубо протер лицо рукавом и удивленно посмотрел вниз, и снова услышал голос, на сей раз хихикающий.

– Хи-хи, Марик, у тебя смешное лицо! Ну же, улыбнись! Сегодня такой прекрасный день!

Девочка забегала вокруг здоровяка, стала его рассматривать и там, и тут, пока ее не схватили его руки богатырские

и не выставили перед лицом его.

– Ты чего это из дома сбежала, Ульяна? – обратился он к ней слегка хриплым голосом.

– Ничего я не сбежала! Меня матушка отправила за хлебом да за молоком. У нас почти кончилось. Вот, видишь, я несу платок и кувшин! – она выставила вперед свои крохотные ручки с глиняной посудыной.

– А-а-а, понятно. Ну тогда беги.

Марик опустил девочку на землю и зашагал к себе домой, но перед ним снова выскочила Ульяна и, трясая своей длинной, черной косой, улыбнулась во все свои десять зубиков.

– Пошли со мной!

– Куда это?

– Как куда?! Я же тебе говорила, что иду за хлебом. Пошли, пошли! Тебе нечего грустить!

Она всеми своими немногочисленными силами тащила бугая за собой, да и он не особо сопротивлялся. На его лице слегка дернулась улыбка.

Ульяна была дочерью местного егеря, который часто патрулирует в лесу. Мать ее же нянчилась с еще тремя детьми, потому на Ульяну почти не оставалось времени. И, поскольку та была самой старшей, то и дела ей давали самые «взрослые», а именно сходить на рынок или собрать урожай с грядок.

И вот, на одном таком задании, Ульяна и познакомилась с Мариком, на тот момент еще безбородым и короткостри-

женым. Она первая, кто заговорила с ним ласково и, скажем так, по-детски, непринужденно и часто шутя. Эта черта особенно нравилась Марику, ведь никто с ним так не разговаривал и не разговаривает.

– Ты точно не сбежала? А то ты меня так тянешь, будто тебя сейчас отшлепают...

– Нет же, не сбежала! И тяну я тебя только потому, что дело **ОЧЕНЬ** срочное!

– Хорошо, хорошо. Только не кричи... голова болит, что-то.

Ульяна остановилась и с озадаченным личиком взглянула на Марика. Она подметила его распухшие глаза и осанку, которая напоминала ей восьмидесятилетнего старика.

– Ты плохо спал сегодня?

– Как ты узнала?

– Ху! Узнала, потому что я очень умная.

– Ну ты молодчина! Так держать!

– А тебе нужно поспать немного, Марик! Я же за тебя волнуюсь.

От этих слов сердцу Марика стало еще теплее. Он ничего не ответил Ульяне, но его довольное лицо говорило само за себя. Девочка улыбнулась, хихикнула и потащила Марика с новой силой.

***

Уже за следующим поворотом, посреди круглой улицы, где стояла корчма и кузница, из которых шел непроглядный, густой дым, стоял рынок с палатками. На них лежали овощи и несколько видов фруктов, как свежих, так и старых, еще с прошлой недели (и запах стоял тот еще). Однако среди них выделялась повозка с высокой крышей, сделанной из разноцветных тканей. За ней стоял полноватый мужчина со стрижкой под горшок, в белом фартуке и с полотенцами на руках. Как только он заметил Ульяну, тот тут же скрылся в одном из здании, но не на долго, так как через секунду он уже нес противень с горячим хлебом.

– Тебе как всегда, Уляша?

– Да, дядя!

– Вот, держи, дорога. – Он посмотрел на Марика, и лицо его заметно изменилось, но вот тон он не сменил, оставив его таким же приветливым. – Чего желаешь, Марик?

– А мне... – ему не дали договорить.

– ... ему плюшки! Вот, держите, – Ульяна выставила вперед ручку с монетами, и оба взрослых остепенели.

– Но Уляша, это же...

– ... это же твои деньги. Не надо, я сам могу себе купить...

– Ничего не знаю, – членораздельно произнесла он и самодовольно прикрыла глаза. Дяде только и оставалось, что подчиниться. Однако он подозвал Марика пальцем и прошептал: – Чтоб деньги ей вернул вдвойне, усек?

Марик ответил:

– Да.

Молоко Ульяна купила у старушки, которая в подарок ей дала несколько кусочков сыра. Объяснила она это тем, что запасов на целый месяц вперед хватит, однако умолчала, что этот сыр был уже старым.

Марик понял это, но перечить не стал. Может из-за страха, может из-за осознание того, что в этом мире нужно крутится и вертеться. Может и потому, что на лице Ульяны в этот момент заблестела улыбка, которая заставила его растаять.

Дуэт из девочки и палача шли обратно. Ульяна кушала плюшку, а Марик тащил все запасы в своим огромных руках. Он даже не ощущал их веса, на столько руки его привыкли к тяжелым орудиям...

– Ты не зайдешь к нам в гости? – спросила вдруг девочка.

– Прости, не могу. У меня еще много работы.

– Да? Жалко, – протянула она, и личико ее поникло. – Ну тогда обещай прийти ко мне на праздник!

– Праздник? А какой самый ближайший?

– Эм-м-м... Воскресенье!

– Ха-ха-ха! – искренне рассмеялся Марик. – Хорошо, обязательно приду!

– Ура! Смотри, ты пообещал мне.

Ульяна заметила, как в ее сторону шла обеспокоенная ма-

ма. Она тут же спряталась за Марика и притихла.

– Ой, добрый день, Марик, – быстро обратилась к палачу женщина и, схватив Ульяну за ухо, вывела вперед. – Ты почему снова сбежала?

– Я не сбежала! Ай! Я хотела извиниться, вот и пошла покупать тебе хлеб! Я знаю, как ты его любишь, особенно с молоком! Ай-ай-ай!

– Так, понятно, но зачем ты впутала Марика?

– Я не... я не...

Девочка уже была готова расплакаться, но Марик вовремя втиснулся в разговор:

– Она не виновата! Я просто мимо проходил, и вот решил помочь.

– Не надо, Марик, мне врать. Я знаю, когда ты говоришь правду.

– Но это правда! – почти на крик перешел Марик и, увидев напряженное лицо женщины, тут же понизил голос. – Я правду вам говорю.

Женщина облегченно выдохнула, радуясь, что ей не прилетит, забрала корзины вместе с кувшином и, параллельно держа Ульяну за ухо, отправилась домой.

– Спасибо, Марик, за помощь! – услышал он на прощание Ульяну.

Он еле заметно помахал его рукой.

И снова остался один, среди пыльной дороги, густых туч и ветра. Такого же одинокого, как и он.

Глава 3 – Меч у порога

Как только Марик перешагнул через порог своего дома, то сразу же направился в спальню. Да и куда бы он еще направился, если не в спальню? Там, в комнате с ковром на стене, с деревянной кроватью, массивным столом и сундуком, находилось все самое необходимое. Там, где по идее должна быть кухня, почти ничего не было. Разве что сушеные грибы и травы.

Марик подошел к сундуку, вытащил из кармана толстый железный ключ и вставил внутрь замка. Послышался щелчок, и крышка подпрыгнула, словно ее кто-то снизу ударил. Крышка была тяжелой, и не только благодаря стальным решеточным ставням, но и дубу, из которого она была сделана. Однако Марик поднял ее без какой-либо трудности.

Под крышкой лежали ткани и полоски, сделанные из кожи. Марик разгреб их и нащупал на дне ручку. Она была холодной и слегка влажной. Марик сжал зубы и, напрягая все свои мышцы, потащил ее вверх. Раздался громкий скрежет, а за ним протяжный металлический писк. Из сундука показался еще один сундук, но поменьше и украшенный разноцветными рисунками. На одной из его сторон была изображена сирина – райская птица, а с другой – костер, на котором жарился кабан.

К этому сундуку ключ не прилагался, как и отдавать все свои силы на открытие крышки. Она легко, полностью поднялась.

Внутри лежала большая книжка, чья обложка была сделана из кожи. Надписи на ней не было, однако красовался необычный рисунок, выжженный, казалось, клеймом. На нем изображалось дерево, у которой крона была похожа на пятихвостую звезду, и в центре ее был цветок. У ствола дерева стоял топор и большой меч.

Марик аккуратно принялся перелистывать страницы, вчитываясь в текст. Марик был одним из немногих в этом поселке, кто умел читать. Его этому научил местный батюшка, которого, к сожалению, казнили за частые пьяные побои. Однако Марик знал истину, по которой его казнили – местные очень недолюбливали его, и потому часто спивали его. В конце концов он превратился в живое воплощение водяного, на которого без сожаления или омерзения не взглянешь. Марик старался не мучить его. Он хорошо наточил топор и быстрым ударом снес ему голову. Тогда на казни почти никого не было, потому никто шоу не просил. Был батюшка похоронен глубоко в лесу, и могила его была вскоре забыта.

Правда само место, где похоронили батюшку, Марик не знал. Ему никто ничего не рассказали, да и он сам не хотел об этом знать. В тот день палачу исполнилось семнадцать лет.

Марик остановился. Палец его уткнулся в слово «демон» и никак не хотел сдвигаться. Кажется, это та самая страница,

которая ему нужна.

Он принялся вчитываться в слова. Он читал о том, что сотня демонов является предзнаменованием чего-то ужасного, но и в то же время, если во сне был также и один из генералов демонов, то это сулит долгий путь в неизвестность. Глаз Марика зацепился за это слово. Пока он продолжал читать имена и номера демонов, то никак не мог перестать повторять «неизвестность». Это слово будто равнялось к свободе. Но и в тоже время оно пугало его, ведь неизвестность – пугает...

Марик дернулся.

– Что это за звук?

Это был стук. Не очень тяжелый и не очень легкий. Он доносился из коридора.

– Неужели гоблины? – предположил Марик и вернулся к чтению.

Однако его снова прервал стук, и на этот раз он был громким и четким. Стучали кольцом, которое весело на двери дома.

Марик закрыл книжку и спрятал обратно в сундук.

Снова послышался стук, и это уже начало раздражать палача.

– Иду, иду!

Марик открыл дверь.

– Я сегодня не работаю, – сказал он.

Он хотел что-то дополнить, но было уже некому.

– Тьфу, и впрямь гоблины! – Марик перекрестился и уже решил возвращаться в дом.

Однако он остановился. Рядом с ним к стене был прислонен предмет, обвитый черной тканью. Он был почти с ростом самого Марика. Палач оглянулся, но никого не увидел.

– Может кто-то забыл? – задался вопросом он и взял предмет в руки. – Боже, ну и тяжесть...

Положив предмет на стол, Марик услышал отчетливый металлический удар. Однако он не спешил раскрывать то, что издало удар. Он провел пальцами по ткани и нащупал сталь.

– Меч?

Марик все-таки решился. Он нашел небольшой ремешок, который скреплял ткань. Марик распустил его, а за ним развязалась и сама ткань. Перед ним лежал абсолютно черный меч, да и не простой, а с ростом во весь стол, а может и того больше. Марик прислонил к нему предплечье и сделал замеры. Пять локтей!

– Вместе с рукоятью, – дополнил мысли Марик.

Гарда меча была почти с локоть без кисти, и была украшена шестью металлическими витками. Навершие же напоминала человеческий глаз, но цветом он был таким же, как и все остальное. Клин вызвал неподдельный ужас. Пусть он был и туповат, его толщина поражала воображение. Острие было изогнуто.

– Что же стало с этим клинком?

Марик взялся за рукоять обеими руками и поднял его. Кажалось, что меч был сделан из чугуна – на столько он был тяжелым даже для Марика. Внутри Марика все задрожало. Не зная почему, но ему захотелось опробовать этот клинок. Марик занес меч вверх, но острое коснулось потолка и застряло в нем.

– Нет, тут не место.

Марик вышел на задний двор, а затем, перепрыгнув через ограду, отправился в лес. Он ушел достаточно далеко, чтобы его никто не потревожил. Да и если он будет размахивать таким мечом, то люди много чего надумают. И преимущественно нехорошего. Марик шагал быстро и уверенно. Меч лежал у него на плече и изредка зацеплялся за ветки деревьев, но Марик не обращал на это внимание. Он просто срывал его, и клинок с тяжелым ударом падал на землю, после чего снова оказывался на плече.

Марик оглянулся и увидел небольшую полянку, где деревьев почти не было. Он встал в центр, размял плечи, глубоко вдохнул и поднял меч над головой, а затем, немного погодя, ударил им по воздуху. Раздался громкий удар об землю, и клинок задрожал. Вибрация прошла по рукам палача, а затем и по всему телу, так как он при ударе подпрыгнул.

Этот удар освежил его, наполнил энергией. Он словно разрубил одного из демона, который мучал его в кошмаре. Но

Марик не остановился. Он снова нанес удар, на этот раз по горизонтали, и меч его раскрутил вокруг своей оси, после чего палач грохнулся на землю. Марик встал, отряхнулся и снова принялся нарезать воздух размашистыми ударами. Несколько лет казней дали свой пусть и болезненный, но полезный опыт.

Резать воздух и землю вскоре надоело. Марик поставил клинок у дерева и принялся искать то, что можно было разрубить, и вскоре наткнулся на небольшое, полусгнившее бревно. Он аккуратно поставил его на землю, взял меч и с тяжелым размахом нанес по нему удар. Меч прошел по нему как по маслу.

– Ладно, тогда... – Марик кинул взор на ближайшее дерево.

Оно было достаточно толстым, и простым топором его не срубишь. То, что надо!

Марик отошел чуть назад, замахнулся снизу мечом и потащил его вверх. Клинок проник внутрь ствола и на середине застрял в нем, а Марик же получил ушиб на пальце.

– Агх... Все-таки сражаться тупым мечом была плохой идеей... Угх...

Марик хотел вытащить меч, но боль и сам ствол, который прижал клинок, не давали этого сделать. Тогда Марик не нашел идеи получше, кроме как с разбегу выбить клинок. Он разбежался и двумя ногами точно влетел в рукоять. Раздался оглушающий металлический скрежет, и меч вылетел из ство-

ла, раскрутившись так сильно, что прорубил пару тонких деревьев неподалеку и грохнулся на землю. Марик, наблюдавший за этим, в последний момент заметил, как на него падает огромное дерево...

С синяками, ушибами и ссадинами, но довольный Марик возвращался домой. Он тащил свой клинок по траве, оставляя глубокий след. Он настолько сильно устал, что буквально валился с ног, но он дошел до своего дома, правда на дворе уже была ночь. Марик «положил» с грохотом меч на пол возле кровати, а сам грохнулся лицом вниз в подушку и захрапел.

В эту ночь Марик хорошо поспал...

Ему приснилось то, как он темным клинком разрубал сотню демонов. Он не щадил никого! Плоть и кровь разлетались по обжигающим адским камням, головы и ступни катились прямо в лаву, а крики их вызывали эйфорию... Даже с огромным генералом Марик справился довольно легко и непринужденно, однако...

Его что-то схватило. Что-то огромное и страшное. Его тело снова было скованно, а верный клинок выпал из рук. Марик хотел проснуться, но ничего не выходило. Он обернулся, и глаза его объяли пламя. Он закричал, но язык его превратился в прах.

Он слышал только чей-то смех. Смех, который был до ужаса похож на свой собственный...

***

Ульяна сегодня была на взводе. Уже с утра она схватила метлу, ведро с водой и принялась убираться по дому. Затем она быстро сбегала за свежей свиной и хлебом. Вернувшись в родной дом, она быстренько приготовила завтрак. Домашние, которые еще не одолели дрему, неуклюже рассаживались за стол. Самый младший уже тащил свои руки к горячей свинине, но его тут же одолела деревянная ложка, лежавшая в руках хозяйки. Ульяна довольно улыбнулась, пожелала всем приятного аппетита и убежала в соседнюю комнату.

– Не могу, не могу! – кричала она оттуда домашним, которые звали ее к столу. – У меня очень много работы!

– Боже мой, Ульяша, какая муха тебя укусила?

– Совесть, матушка.

И все смеялись. Ульяна была счастлива, наблюдая за тем, как принимают ее заботу.

После уборки Ульяна выскочила на улицу. Сломая голову она помчалась к Марику, но на пол пути притормозила. Мимо нее прошло пару пьяниц, который, шатаясь из стороны в сторону и выкрикивая пьяные песни, «поклонились» девочке. Ульяна хихикнула и спокойно отправилась дальше.

– Д-д-девочка... А-а к-куда ты... и... и-и-и... дешь? – спросил ее один из более-менее трезвый мужичок.

– А, я... По делам! – после этих слов Ульяна ускорила, и, отойдя достаточно далеко, произнесла: – Вам не нужно это знать.

– Эй, Марк, ты что там, уснул? – послышался грубый женский голос.

Марик не мог встать. Его будто связали канатами, и концы их привязали к глыбам. И если бы эта и было, то вопросов было бы меньше.

Рука его медленно, трясясь и ноя немного приподнялась, а затем позорно упала на пол. У него даже не было сил на то, чтобы ответить.

– Так, ладно, не хочешь меня видеть – и не надо. Я пришла тебе сказать, что к нам скоро должны привезти несколько свиней. Я потом к тебе вернусь и скажу, когда понадобится твоя помощь. Все, бывай.

Перед уходом раздался сильный стук, а затем стук погромче – это Марик грохнулся на пол.

Марик приподнял голову и одним глазом посмотрел в окно. Солнце слепило, а значит на дворе утро. Попытки встать снова не увенчались успехом. Он мог приподнять только одну руку, в то время как другую стиснули железные тиски. Этими тисками оказался меч. Его рукоять казалась неподъемной – хотя оно так и было – особенно с утра, когда силы только-только набирались. Марик только после получаса смог подняться. Меч он все также не мог поднять, но дви-

гаться он стал более уверенно.

– А кто это... – вспоминал он того, кто пришел под утро. – А-а-а, точно, это же Клава! Сегодня что, среда? Проклятье, ненавижу среды.

Среда для Марика была самым неприятным днем в неделе. В этот день у него всегда болела голова, аппетита почти не было, орудия нужно начищать, а еще было то, что являлось самой большой заразой – должны были приехать повозки со скотом. Марик еще раз проклял среду и медленно поперся к иконам, помолился и снова рухнул на кровать.

У него была лишь одна задача – казнить и пытаться пленников. В последнее время их стало намного меньше.

Почему?

Потому что людей стало меньше.

И почему от в этот момент Марик вспомнил один слух, в котором говориться, что в соседнем селе нашелся настоящий оборотень, который пожирал людей! Если это и так, то Марик бы живо отправился туда и убил его своим верным мечом, однако, как выяснилось, его закидали камнями на смерть.

– Эх... Вот был бы сейчас такой-же случай... Я бы его своим мечом и... – Марик тяжело вздохнул. – Может я бы и встал на один уровень со всеми. Хотя...

В его голове проскользнул образ из сна, где нечто хватало его и тащило в лаву. «Зачем ты так быстро его прикончил?..» А ведь действительно, зачем? Зачем он вообще вспомнил об

этом?

Он каждый раз думает об этом, и каждый раз увиливает от ответа. То ли он не знает, то ли он прекрасно знает отгадку этой жестокой задачи. Что-то его держит в этом проклятом селе. Что-то, что не позволяет ему сбежать и начать жить своей жизнью. Ведь пока что-то удерживает его тут, то он продолжит загнивать в философских вопросах, пока в конце концов не превратится в гуля, который без прикосновения будет выполнять поручения своих хозяев.

Дети, взрослые, старики... Все они как один... как демон, чью жажду крови никогда не утолить.

Да, наверное, так и есть.

Их глаза, наполненные кровью во время пыток, и пустота, которая за этим следует. Они ищут новую жертву, и чаще всего используют для потехи и утоления простых путешественников.

– Надеюсь, что в других местах нет ничего подобного...

ТУК-ТУК-ТУК!

– Марик, это я! – послышался еще один голос. – Я могу войти?

– А... я... э-э-э... – выплевывал из себя звуки Марик. Этого гостя он никак не ожидал.

– Ты в порядке? – голос слегка понизился и стал еле различимым. – Если я не вовремя, то... Прости, что в прошлый раз на тебя накричала матушка... Она у меня с огоньком, хи-

хи... Знаешь, я вчера за тобой наблюдала, – Марик услышал, как по двери прошелся шорох. – Ты был таким крутым вчера... Ты махал той дубиной и... ВУХ-ВУХ! ШМЯК!!! Господи, это было так завораживающее! – Тишина, а затем продолжение, на этот раз еще тише: – Я пряталась за деревом. Хорошо, что ты промахнулся тогда, ха-ха... Эх, вот был бы у меня такой же муж, как и ты... – Тишина. Тишина. А затем: – Ой, нет-нет-нет, забудь! Что это я говорю то... ой... стыдно то как...

Повисла тишина. Марик не знал, чем ее прервать. Она оглушала его. Ему было приятно от того, что девочка нашла в нем что-то человеческое... Может поэтому у него не было нужных слов.

– Ладно, я тогда побегу. Наверное, у тебя много дел. Я тут оставила тебе покушать. Надеюсь, ты любишь такое. Пока!

И снова отдаляющиеся шаги. Быстрые и легкие, подобные ланьи.

Марик аккуратно выглянул из-за двери и никого не увидел. На пороге лежал небольшой сверток, внутри которого желала жаренная свинина на куске хлеба. Марик присел у двери на землю и укусил горячий бутерброд.

– Недожаренный...

Но даже так тепло, с которым был сделан данный завтрак, проникло в его сердце.

Глава 4 – Гости

Прошел день. Долгий, солнечный, жаркий день. Весь этот день Марик только и делал, что лежал, да глядел в потолок уставшими, сонными глазами. Он не хотел никого не видеть, не слышать, и единственное, что хоть как-то его развлекало, были две мухи, который в порыве то ли страсти, то ли ярости бились друг об друга, прыгали из угла в угол и старались как можно сильнее врезаться. В эти моменты, в моменты «жестокой» битвы Марик улыбался и довольно вздыхал. Мысль у него была одна – он не был теми мухами. Он не сражался за место под крышей.

Ночью Марик долго не мог уснуть. Он вспоминал прошлое.

Еще до того, как мать его стала палачом, ее место занимал отец. Сложно сказать, любил ли он эту работу или нет.

Кому вообще нравится убивать людей, пусть и тех, кто совершил проступок. А может его вообще подставили?

Одно из негласных правил палачей гласило, что «палач не должен задаваться вопросами морали или совести. Палач – только инструмент, которым вершится правосудие». Но вот в чем шутка – само правило можно исковеркать так, что по итогу «правосудие» само может превратиться в «проступок!»

Однако так не думал ни отец Марика, ни сам Марик первое время своей работы. Он лишь наблюдал, как отец был погружен работой. Его отец всегда, будто то день казни или пыток, будь то утро или день, дождь или туман, точил свой топор. Лезвие всего тупилось, и его приходилось затачивать шершавым камнем, который всегда лежал в переднем кармане фартука, сидевшего на теле.

В свою очередь фартук всегда был заляпан кровью, будто то скотины или человеческой. В отличии от Марика, отец гордился тем, чем занимался.

– Отец, чем ты занят? – спрашивал его один из старших сыновей.

Отец улыбался и отвечал что-то в духе «буду дрова рубить». И все это принимали, даже Марик. Лишь мать его смотрела на это как-то беспокойно.

– Матушка, чем ты занята? – спрашивал ее Марик, на что она всегда отвечала:

– Смотрю, как твой папа собирает дрова рубить...

И голос ее всегда садился после этих слов; и ноги ее подкашивались. Она уходила в свою комнату и сидела там несколько часов. Она не плакала, не кричала и не злилась. Она всего лишь сжигала своим взглядом ту самую книгу с деревом, чья крона была похожа на пятипалую звезду.

Марик моргнул и снова вернулся в реальность. Мухи тихо спали по разные стороны стен-баррикад. Одна из них была так близко к Марику, что он разглядел, как она умывалась

своими лапками. Она быстро растирала что-то на них, а затем быстро смазывала свои глаза. Другую муху он не видел, но ему казалось, что она просто спит. Или же внимательно наблюдает за своим врагом, с которым столкнется на рассвете.

Вскоре Марик уснул, и погрузился во тьму, где даже не было намеков на сна.

Следующий день прошел как обычно. Основной работы не было. Вместо этого были свиньи. Марик одной левой брал под бок поросенка, а другой клал на плече свинку покрупнее. После чего тащил их в загоны. Делал он это молча и рассудительно. Казалось, что эта задача его так увлекла, что он ненароком взял сразу две свиньи на оба плеча.

Неужели Марик выспался? Возможно. А может и после того меча любой груз казался маленькой корзинкой с выпечкой.

После загрузки всех свиней Марик подошел к Клаве – высокой, массивной женщине с длинной косой по пояс. Она окинула его двусмысленным взглядом, после чего цокнула и достала несколько монет.

– Держи. За помощь.

– Ты серьезно? – недоумевал Марик, при это лицо его оставалось таким-же спокойным.

– Я и не заставляю, – она хотела положить монеты обратно, но Марк перехватил ее и сжал руку.

– Эй, полегче! Больно же! Хорошо, хорошо, я пошутила. На, забирай!

Он отпустил ее руку. Клава отошла где-то на пару метров подальше, и теперь с напряженным взглядом вгляделась в его лицо.

Оно не было просто спокойным. Оно было серьезным. И это пугало.

– Какая муха тебя укусила?

– Никакая, – холодно ответил Марик, протянул руку. – Просто я не выспался.

– Сказал тот, кто в одиночку занес несколько голов.

Клава цокнула и передала монеты. Марик кивнул и зашагал себе домой. Как только напряженная Клава потеряла его из виду, он побежал.

***

– Да ну, правда?

– Да, вот так и схватил!

– О господи. Я всегда подозревала в нем что-то дикое.

– А ты вспомни его отца. Огромная детина с таким топором! Я боялась с ним даже взглядом пересекаться.

– Да что там взглядом. Я видеть его боялась.

– Раньше Марик меня тоже пугал, но после твоей истории я теперь на пушечный выстрел к нему не подойду.

– А я и раньше его не любила. Весь в отца, а может и того

хуже...

– Все, прекращайте, бабенки. Про мертвых либо хорошо, либо никак.

– Ой-ой, смотрите кто нарисовался. Ты первый был тем, кто хотел сжечь его дом.

– Молчи, старая карга! Я теперь другой человек.

– Да? Тогда почему на Марика ты смотрел как на врага народа? Что, все-таки не отомстил отцу, так решил на сына перемахнуться.

– Ух, побойся бога. Я, вообще-то, не хотел, чтобы сына моего казнили, а он мало того, что пытал его, кости перемалывал, так еще и срубить голову не смог нормально. Ох, сынок, царствие небесное.

– У меня вот... это... жену казнил он... этот ублюдок!

– Да, да, да...

– А ну всем цыц!

– ...

– ...

– ...

– Ко мне пришло письмо от старосты соседней деревни.

Говорят, что село Любино охвачено пожаром!

– Ужас! А другие?

– Другие еще не пострадали, но я не уверен, что надолго.

Нужно уходить из поселка.

– Что?

– Да как так? У меня тут хозяйство!

– К нам сегодня свиней привезли. Что с ними то делать будем?

– А ну тихо!

– ...

– Завтра на рассвете выдвигаемся. Собрать все самое необходимо, взять лошадей и несколько свиней. Все, что посажено, оставить. Все, что спело, собрать в ящики и передать на хранение. Все всё поняли? Тогда вперед!

– Погодите, а как же Марик?

– Что Марик?.. А, Марик... Разберемся. Сейчас все за работу!

***

Каково же было удивление Ульяны, когда дверь в дом Марика легко отперлась. Петли протяжно поскрипели и умолкли, когда дверь стукнулась об стену. Девочка заглянула внутрь и осмотрелась. Никого. Затем прислушалась, но тоже безрезультатно. Тогда она решила войти внутрь, но что-то ее удерживало. Она надеялась, что Марик, наконец, покажется из-за угла и пригласит ее внутрь.

Но она не хотела ждать.

Она постучала и молча отправилась в спальню.

Внутри никого не было. Ульяна даже растерялась. С Мариком еще никогда не было ничего подобного. Ее взгляд зацепился за кровать. На ней лежала помятая простыня и по-

душка.

– Ох, что за неряха, – сказала она и схватилась за край белоснежной простыни.

Однако на моменте, когда Ульяна безуспешно пыталась стащить ее на пол, и вместо этого она легла ей на лицо, девочку будто парализовало. Запах, исходящей от ткани, пусть и был в каком-то смысле отталкивающим, для Ульяны он показался нежным и приятным. Она стащила простыню с головы и прижала ее к носу, и личико покрылось румянцем.

Девочке было на тот момент уже 15, и в ее возрасте (и в то время) было нормально увлекаться мальчиками и такими странными вещами. Однако сам факт того, что она нюхала простыню местного палача, вызывали в ней двоякие чувства. Правда они быстро отпадали, и на их место приходили другие, приятные... Она неосознанно легла на его кровать, укрылась и уперлась лицом в подушку.

– Так... тепло... – произносила она каждый раз, когда ее тело вздрагивало. – Боже... что я делаю... я же должна была... ах... нет, не могу... пошевелиться...

Странное чувство, которое было куда сильнее, чем возбужденность, заполнило ее тело.

Эйфория...

– Кто там? – вскочил Филипп и подошел к дверке своей кузни. Он вытер пот тканью и снова спросил, кто к нему пришел, а затем вздрогнул, услышав до ужаса знакомый голос.

– Это Марк. Впустишь?

– Эм... да... то есть нет... Ой, то есть да, входи...

Филипп, местный кузнец и плотник в одном лице, быстро снял ставни и отошел от двери. Слух о странном настроении палача заставили его дрожать.

Дверь раскрылась, и внутрь вошел Марик. Огромный, рыжий, одетый в помятую одежду. Его лицо было серьезным, как и в прошлый раз.

Однако Филипп заметил еще кое-что...

– Ч-ч-что это у тебя за...

– А, это? Я как раз по этому делу.

Марик двумя руками вставил огромный черный меч в пол, и несколько трещин прошлись по каменному полу.

– Заточить его надо, – коротко ответил Марик.

– От... откуда у тебя такой клинок, парень?

– Да так... кто-то оставил у меня на пороге. Вроде неплохой... как раз для дела. Что скажешь?

Страх сменился интересом. И пусть напряжение не спало, кузнец аккуратно взял в руки меч и пригвоздил его к полу.

– Боже! – закричал кузнец, стараясь вытащить пальцы из-под клинка. – Да сколько ж он весит?

– Не знаю. Думал, что ты ответишь на этот вопрос.

Пусть и не без боли, Филипп спас свои золотые руки. Он принялся их растирать и отдал приказ:

– Тащи его ко мне.

Марик поднял клинок и отправился за Филиппом.

– Ложи сюда, – указал кузнец на верстак. Как только меч лег на него, Филиппу показалось, что верстак его просел. – Кажись, он сравнится с наковальней, а если он тяжелее ее... Не вериться даже, что такие мечи существуют. Так еще он и черный, как ночь...

– Заточить сможешь? – снова задал вопрос Марик.

Филипп напрягся. Он совсем забыл, что ему пора собираться в бега, однако желание поработать с таким агрегатом вскружило ему голову.

– Да, заточу. Но ты потом покажешь, как он работает.

Филипп не стал медлить и сразу же принялся натачивать клинок. В этом деле помогал ему Марик, без которого этот меч даже не сдвинулся бы с места.

Точился меч хорошо и очень податливо. Вода по нему стекала чистой, что не могло не вызвать удивление. Филипп и Марик до сих пор не могли понять, из какого-же металла сделан клинок. И как Марик может его держать?

– Все, готово, – сказал Филипп, тяжело дыша и стирая пот с тела. – Теперь покажи мне, как он...

И Марик в это же мгновение ударил по верхушке балки, которая стояла у стены. Меч прошелся по ней насквозь, и с оглушающим ударом врезался в камни. И Филипп, и Марик стояли, как вкопанные.

– Г... Г... Г... – не мог выговорить Филипп.

– Т... Т... Тяж... – пытался сказать Марик, поднимая клинок на плече.

Балка развалилась, и по дому прошла дрожь.

Даже Ульяна проснулась, почувствовав необъяснимую дрожь в ногах.

Глава 5 – Часть 1 – Затишье

Тишина.

Прекрасная, но неопишуемая.

Казалось, что после сокрушительного удара все пространство и само время остановились. А может это просто слепота с глухотой? Что бы то не было, оно заставило Филиппа упасть на пол. Слова путались у него на языке, глаза от ужаса и шока все никак не могли оторваться от грозного, черного клинка, который без всяких проблем смог разрубить толстую балку.

Марик все-таки нашел в себе силы, чтобы поднять меч в воздух и положить его себе на плечо. Он посмотрел на Филиппа, и взгляд его изменился. Теперь, вместо угрюмого и злого, он стал живым, наполненный радостью. Он походил на ребенка, которому починили его любимую игрушку.

– Благодарю тебя, Филипп. Теперь я тебя больше не тревожу.

После этих слов Марик вышел из кузни и отправился домой.

Филипп, который наконец осознал, что остался один, и что ужас стал медленно сходить на нет. Он поднялся и трясущимися ногами дошел до табуретки. Он сел, а точнее рухнул на нее всем своим весом, вдавив сидение в пол и прогнув

ножки. Ему стало дурно. Он встряхнул головой, подошел к небольшой полке, которая весела на стене, приподнял шторку и взял бутылку. После недолгого обдумывания, он вытащил пробку и принялся жадно пить, пока не иссушил все до дна.

– Господи... Если это и не признак апокалипсиса, то тогда я не знаю, что еще...

В этот момент внутрь дома вошла невысокая женщина – жена Филиппа. Как только она обняла мужа за плечи, он встрепенулся и посмотрел на нее так строго, что внутри нее все свернулось.

– Ты видела его, да?

– К-кого?

– Марка. И его... вот эту... черную...

– Да, видела, – она выдержала паузу и поняв, что муж немного пришел в себя, продолжила: – К нам приближается огонь.

– Огонь? Пожар, что ли?

– Да.

Все лицо Филиппа сжалось, покрылось потом, и даже полотенце не помогало его стирать.

– Апо... калипсис... – он положил руки свои на плечи жены и сжал пальцы. Они задрожали, как и ноги кузница. – Собирай все, что не прибито. Грядет страшный суд!

– ... м-м-м... нет... нет, нельзя...

– Эй... Улья-я-яна, вставай.

– Мф... Чего?... Чего?!

Ульяна, чьи сонливые глаза уловили знакомый рыжий силуэт, тут же прозрели. Улыбка, с которой смотрел на нее Марик, была такой теплой и счастливой, что она вызвала у девочки двойки чувства. «Почему он улыбается? Он что, так рад меня видеть? Или он заметил, что я укрылась его простыней? Боже, почему так жарко?»

– Ульяна, да ты вся красная. Все нормально?

– Д-д-д...

Марик посмотрел на нее с неприкрытым интересом. Что он в ней такого увидел? Что бы то не было, он не заметил, как по его голове был нанес удар подушкой. Причем удар был таким сильным, что тело Марика согнулась в три погибели.

Ульяна, видать, потеряла контроль над собой, и не зная куда деться, схватилась за первое, что попало под руку. Лишь поняв, что она снова наделала глупостей, то быстро спрыгнула с кровати и умчалась прочь. И лишь пятки ее сверкали...

– Ну вот почему я всегда попадаю в подобные ситуации.

– Ого, ну и удар... Вся в отца, это точно.

Марик еле поднялся, сел на кровать, и рука его коснулась простыни.

– Почему она такая мокрая?

Он прошелся по ней пальцами. Посмотрел на них, потер.

– Прости, что убежала! Я просто не... ожидала...

Ульяна вернулась, быстро отойдя от неожиданности. Од-

нако, войдя в комнату, она застыла. Марик уже хотел поднести пальцы к носу.

– Й-й-й-я просто... Я постирала ее! Поэтому она и влажная! Пойду развешу ее на улице!

И быстрым движением она вырвала из-под Марика простыню, и снова сбежала на улицу. Марик даже ничего не успел понять. Все произошло слишком быстро. Правда улыбка с его лица так и не сошла.

Простыня медленно покачивалась на ветру, солнце ярко светило в окно, освещая почти всю комнату, а на кровати сидел Марик, на против которого на стуле сидела Ульяна.

Тишина. Такая же, как и у кузница. Было так тихо, что можно было легко услышать стук сердца.

– Все нормально? – спросил вдруг Марик, решаясь разрушить тишину.

– Да, все хорошо, – ответила ему Ульяна, нервно смотря в пол. – Я пришла к тебе домой, но тебя не застала. Хотела покормить, но...

– ...но задремала, – закончил за нее Марик.

Марик снова посмотрел на Ульяну. Невысокая девочка с хвостиком, приятное личико с веснушками. Длинная коса и всего лишь десять зубиков. Она была такой худой, и кожа была такой бледной, что она волей-неволей напоминала призрака.

Был бы Марик на несколько лет младше, может он бы и

посчитал ее таковой, начал бы унижать и издеваться. В свои года Марик уже давно перестал думать о чем-либо, кроме работы. Но все-таки что-то человеческое в нем было.

– Твоя еда была очень вкусной. Спасибо.

– П-пожалуйста. Я всегда рада тебя угостить.

– А как же матушка с остальными?

– А что с ними?

– Ну... Ты ведь не забыла про них?

– Не-а, не забыла! Они у меня самостоятельные, а матушка такая хозяйка, которую еще поискать надо. Она легко что-нибудь приготовит.

– Ясно.

Марик встал с кровати и отправился в коридор, как вдруг его остановила Ульяна, выбежав вперед.

– М? Что такое?

– Ты всегда работаешь.

– Да, всегда. Такая вот у меня судьба.

– Бэ, – высунула она язык. – Так дела не делаются. Пошли прогуляемся.

– Но...

– Покажешь мне... пару приемов... Хи-хи!

Она выбежала из дома и встала за стеной, так, чтобы видно было только ее голову с рукой. Коса ее почти коснулась пола.

Марик улыбнулся.

– Хорошо, пойдем. Только я возьму свой меч.

– Ой, Марик, смотри! – вдруг позвала его Ульяна.

Марик взял меч и вышел из дома. В руках девочки лежал свиток без печати.

– Думаешь его кто-то потерял? – спросила Марика Ульяна, передав свиток.

– Я им что, гонец или торгош, чтобы мне сдавать всякий... Ай, ладно, что тут написано?

– Не знаю. Я же читать не умею, глупенький, – улыбнулась она.

Марик посмотрел на нее из-за свитка.

– Это было не тебе.

– Я... Я знаю, глупенький. Читай давай!

«Приветствую тебя, Марк. Ты меня не знаешь, но я знал твоего отца. Зовут меня Жан, и я родом из Кракова. Наверняка ты удивлен, от куда я тебя знаю. Ты еще под стол ходил, тогда то я и познакомился с твоим отцом. Но не будем сейчас об этом. У тебя есть то, что принадлежит не столько мне, сколько моему роду, а именно «Черный рубец» (czarna blizna – примечание автора), клинок, способный разрубить даже камень. Уж не знаю, как он попал к тебе... Узнал я об этом от одного моего знакомого. Как только приедешь в Краков, то я сразу тебя узнаю...»

Далее слова были почти не читаемыми, и единственно, что смог разобрать Марик было «...потерявший свой вер-

ный меч ждет его в Кракове».

Марик застыл. Этот свиток был максимально странным. Мало того, что он не знает никого из знакомых отца, да и вообще кого-то из рода отца, так еще этот самый «знакомый» жил в Кракове, до которого ой как не просто добраться.

– Что такое, Марик?

– Да так, ничего особенного. Шутник какой-то.

Марик быстро спрятал свиток в карман и, схватив на руки свою подружку, помчался по тропе. Счастье, которое охватило Ульяну, вскружило ей голову. Она не понимала причину, по которой ее схватили, как принцессу, но ей это и не нужно! Она была просто рада тому, что Марик, наконец, увидел в ней женщину.

Марик, в свою очередь, просто хотел, как можно скорее, сменить обстановку.

Где-то вдалеке, по обгоревшим доскам и мокрой земле, шли люди. Они были одеты в кожаные доспехи, в руках у них были копья и мечи. Один из них был верхом на лошади, и в руках у него была секира. На боку ее коричневого была пика, на которую были насажены окровавленные, полные ужаса и смерти головы.

Всадник улыбался.

Глава 6 – Часть 2 – Отлив

Лес сегодня был особенно прекрасен. Кроны деревьев, казалось, касались небес, разрезали тучи пополам, солнечные лучи... Тропинка ввела вглубь, и с каждым новым бугром становилась только извилистей и запутанной.

Марик, держа на руках Ульяну, в на плечах черный меч, мчался сквозь лес, будто ветер. Он бежал так быстро и так отчаянно пытался выдуть из себя лишние мысли, что даже не заметил, как оказался на совершенно незнакомой поляне. Тогда то он и опустил Ульяну, чьи растрепанные волосы застыли, и их стали украшать листья с ветками.

Марик понял, что они потерялись. Он принялся извиняться и аккуратно снимать «украшения» с волос. Делал он это очень грубо и чуть не вырвал клочок волос Ульяны. Когда девочка уже не могла терпеть, она оттолкнула палача и, отвернувшись от него, принялась сама все снимать.

После укладки она через плечо посмотрела на Марика, который виновато прижался к дереву лицом.

Ульяне самой стало немного стыдно от своего поведения. Домашние к нему привыкли, но не Марик. Хотя от части ее обида была обоснованной, она все равно обняла его могучую спину, прижавшись к нему всем телом.

Марик почувствовал ее тепло и слегка расслабился. Те-

перь они оба понимали, что между ними явно что-то есть...

– Так ты... Покажешь мне, как обращаться с такой дубиной?

– Это... Это не дубина. Это меч, пусть он и тяжелее наковальни.

– ... н-но все равно покажи! Покажи, покажи!

Ульяна принялась прыгать вокруг Марика, и ему ничего не оставалось (хотя он и не был против), кроме как показать свою силу.

Он попросил девочку отойти, и когда она исполнила его просьбу Марик со всего маху ударил клинком по дереву, разрубив ее пополам.

Марик посмотрел на Ульяну, и ждал он только ужаса в ее глазах, но...

– ВАУ!!! Марик, это было просто супер! Покажи еще, прошу, прошу!!!

Сначала непонимание, потом сомнение, потом глупая ухмылка. И в конце легкая краснь на щеках.

Марик был счастлив.

Он повторил удар на другом дереве, а затем на другом. После он решил бросить меч как копьё, и, пусть и не с первой-второй попытки, у него получилось бросить его, прорубив сразу три дерева. Меч долетел до четвертого дерева и остался там. Марик грохнулся на траву и принялся стирать пот с лица.

– Хи-хи, – засмеялась и прыгнула на его живот Ульяна, –

Марик, ты просто нечто!

Они оба посмотрели сквозь кроны прямо на небо. Оно было чистым, как морская гладь. Солнце освещало где-то на востоке и все никак не хотела показываться. Слегка поднялся ветер, и листва, срываемая им, закружилась в прекрасном танце.

– Скажи, Марик, у тебя есть мечта? – спросила вдруг Ульяна.

На этот вопрос Марик, не долго думая, ответил:

– Есть. Я хочу жить спокойной жизнью.

Ульяна приподнялась и с неприкрытым удивлением посмотрела ему в глаза.

– Какая странная мечта, хи-хи. Но она не такая глупая, как моя, – она медленно прошлась по его груди пальчиком. – Вот я хочу жить в богатстве и достатке, и чтобы моя семья никогда не голодала и не работала. Глупая ведь, правда?

– Не знаю, – ответил Марик. Он долго думал, затем ответил: – Мечтать не вредно... Хотя, если ты об этом часто думаешь, то оно может исполниться.

– Хи-хи, да, ты прав! Вот я мечтаю, что вырасту, и разбогатею! Вот теперь то я буду только об этом думать.

Марик улыбнулся и промолчал.

Жизнь – сложная штука. В ней нельзя ничего предугадать или загадать наперед. Жизнь похожа на выброс игральных костей – кто знает, какая грань тебе выпадет. Марик это понимал, как никто другой, потому и считал, что его мечта не

сбудется.

С другой же стороны он был рад, что его подруга никогда в будущем не свяжет свою жизнь с убийцей.

– Знаешь, у меня есть не одна мечта.

– Правда? И какая, Марик?

– Я хочу стать сильнее и защитить тебя.

Ульяна приподнялась, уселась поудобней на его животе и слегка покраснела. Она не могла и слова придумать, так как не понимала, к чему он это сказал.

Вскоре и сам Марик понял, что смолол глупость.

– Ну, видишь ли... Я... Я очень тобой дорожу, и... Потому, ну...

Ульяна стукнула его по груди. Марик посмотрел на ее личико и увидел на нем раздутые щеки и улыбку до ушей.

И в следующую секунду она разразилась искреннем смехом.

Минуты две она смеялась, пока Марик лежал и старался не подавать признаки жизни.

Вскоре Ульяна снова легла на его грудь и, стирая слезы, сказал:

– Да, Марик, ты точно НЕЧТО! «Я хочу стать сильнее!» Посмотри на то, во что ты превратил те деревья. Ты и так сильный.

– П-правда? Ох...

– Просто защищай тех, кого ценишь. Хорошо?

Повисла тишина.

Румянец прошелся по их щекам.

Марик «угукнул».

***

Старая лачуга в три метра высоту, соломенная крыша и кривые стены. Выбитые стекла и дверь, всящая на петеле, выломанная почти на половину.

Внутри лачуги был только стул и стол с бутылкой вина.

На стуле же сидел человек, одетый в дорогой доспех с высоким воротником. Его голова была идеально выбрита, и почти всю ее украшал глубокий шрам. Глаза этого человека были узкими и черными. На его лице красовался звериный оскал.

Он взял бутылку и принялся ее крутить ее на пальцах, слушая, как внутри жидкость бьется об стенки.

– Лука! Зайди ко мне!

В двери показался человек, одетый в простую кожаную броню и с копьем в руках.

– Принеси мне карту этих мест! – приказали ему и вскоре карта была на столе.

Карта была большой и очень детализированной. На ней было несколько крестов, нарисованных чернилами. Под крестами были написаны Дальняя, Речная, Илова и еще несколько других, уже плохо различимые. На нескольких других деревнях были галочки или точки, а также стрелки,

вероятнее всего указывающие направление к ним.

– Лука, принеси мне чернила.

– Слушаюсь, сир Дариус!

Вскоре появились чернила с пером, и Дариус, по привычке смочив кончик ее, принялся что-то писать и черкать.

– Какова ситуация на фронте, солдат?

– Все чисто, сир Дариус!

– Никто так и не раскололся?

– Никак нет!

– Ясно. Свободен.

Солдат отдал честь и вышел. Дариус еще несколько минут сидел и внимательно изучал карту. Его что-то тревожило, и одновременно от этого внутри него горел азарт.

Дариус положил перо на стол и вышел из дома. Перед ним расстилался лагерь, внутри которого стояли палатки, горели большие костры, гуляли и тренировались солдаты. Дариуса, однако, интересовало вовсе не это.

– Проклятье, карта не точна. Значит этот ублюдок мне подсунил ту еще халтуру. Ну ничего, как только я вернусь, то не сносить ему головы.

Проблемы начались тогда, как только он с войсками подступил не к Верхнему Синегорску, а на обрыв, куда из-за резвости лошадей упало несколько всадников. После этого попало три поселка, но все они не сходились ни по названиям, ни по месторасположению.

Единственный способ хоть как-то узнать, куда двигаться,

были допросы пленников. Однако почти все умирали или же были немые, как рыбы.

Их упорство и стойкость восхищали и раздражали Дариуса. И вот, когда последняя нервная клетка была сожжена, он принялся допрашивать пленников сам.

Он зашел на задний двор своего дома, где на стуле связаным сидел мужчина. Он был худ, почти без зубов и волос. Рядом с ним стоял солдат и тер окровавленный кулак. Как только он увидел Дариуса, то тут же отдал честь и отошел чуть назад. Дариус, подойдя поближе к пленному, внимательно посмотрел ему в глаза. В них он видел только желание умереть.

– Свободен, – сказал он солдату, и он подчинился. После чего рыцарь обратился к мужику: – Слушай меня внимательно. Я выполню твою последнюю просьбу, если ты мне расскажешь, куда ведет эта дорога.

Дариус указал на дорогу, проходящую мимо его дома.

Мужик же продолжал глубоко дышать.

– Ясно... Я тебя понял.

Дариус быстрым движением выхватил меч из своих ножен и снес мужику голову. Она покатилась вниз, к небольшому склону, который ввел к озеру. Туда, к другим отрубленным головам.

– Мерзкие отребья, – Дариус спрятал меч обратно. – Так мы вообще никуда не сдвинемся...

Он крикнул:

– Лука! Приказывай всем собираться! В середине дня отправляемся в поход.

– Н-но сер, – появился из-за дома солдат, – сейчас ужасная жара. В-вы же просто сваритесь в этих...

Дариус кинул на него свой оскал.

– Меня не волнует то, что я сгорю или сварюсь в этих доспехах. Меня волнует только то, что мои люди вскоре начнут бунт. Я вижу это в их глазах. Они считают, что я введу их на смерть. Нам нужно продолжать путь, пока есть силы. – Он окинул взглядом лагерь, а затем дорогу. – Эта дорога должна вести через другие деревни, там и узнаем, как попасть в Краков.

– То есть мы?..

– Да, Лука, мы сделаем крюк и будем двигаться домой.

– В таком случае зачем мы их убиваем, сер?

После этих слов Дариус отвесил Луке сильный шлепок по лицу, после чего вытащил свой платок и протер ладонь.

– Все просто, Лука. Мы – войны ордена Дмитрия Великого, истинного короля нашей страны! Мы несем его волю, и заключается она в истреблении всех нечистых! Всех, кто посмеет встать на пути его коронации, ибо без него не воцариться мир в Речи Посполитой!

А теперь собираться в поход! Шагом марш! Сжечь здесь все, чтобы и крыса здесь пискнуть побоялась!

***

Наступил вечер.

Марик приоткрыл сонливые глаза и даже не понял, жив он или нет.

Он попытался встать, однако Ульяна, которая все еще лежала у него на животе, крепко спала. Она тихо сопела, изредка крутила головой в попытке поудобней лечь. Он чувствовал жар ее тела.

Марик улыбнулся, но вскоре задался вопросом: «а почему это он лежит голым. И, погодите-ка, Ульяна тоже?»

Они оба были голыми. Марик принялся вспоминать, как до этого могло дойти, но он ничего не помнил.

Марик попытался встать. Он взял на руки Ульяну и аккуратно переложил ее на траву, после чего принялся в суматохе искать свои вещи. В темноте леса это было делать особенно тяжело.

Но еще тяжелее было искать свой меч. К счастью ориентиром служили срубленные деревья, потому клинок вскоре нашелся.

– Марик? Мари-и-ик!

– Я тут! – отозвался он на голос Ульяны.

Они встретились взглядами, и Марик старался не смотреть на ее голое, худенькое тело.

– П-почему мы...

– Хи-хи... Все ты понимаешь, глупышка...

– Я... Я не...

Она подбежала к нему и поцеловала в щеку.

– Давай как-нибудь еще погуляем, хорошо?

Она снова «хихикнула» и принялась искать платье. Марик медленно одевался, наблюдая за своей подругой (а может уже и больше, чем подругой). За тем, как платье садилось на ее хрупкие плечи, как пояс завязывался на ее талии, как фартук ложился на ее грудь.

– Чего уставился? Тебе помочь одеться, хи-хи?

– Нет, я сам.

И Марик принялся судорожно одеваться.

Вскоре они отправились в путь. Он был не особо долгим. Все время они держались за руки, и связь их ничего не могло разорвать. Даже меч, который Марик тащил на земле, оставляя глубокий след.

Вдалеке виднелись огни. Кто-то уже зажигал факел, кто-то ложился спать.

– Фух, наконец-то мы дома.

Ульяна выбежала вперед и осмотрелась – никого не было.

– Что ж, тогда я домой. Увидимся завтра?

– Погоди... А что же ты скажешь своим?

– Не переживай. Я как-нибудь управлюсь. – Она прошептала ему на ухо: – Я оставлю этот день в секрете.

И на прощание снова поцеловала его в щеку.

Они расстались тут, посреди улицы. Марик отправился к

себе домой, а Ульяна, полная счастья, к себе.

– Ну и где ты была? – спросила ее матушка, которая встретила ее на пороге.

– Ой, мама, не волнуйся. Я с другом гуляла.

– С каким таким другом?

– Как с каким? С лучшим!

– Надеюсь не с ним?

– А, ну... Нет, конечно нет.

– Вот и хорошо. Иди собирайся, мы утром выезжаем.

– Куда?

– Как куда? В город. К нам движется пожар.

– П-погоди, когда ты узнала?

– Какая разница? Собирайся давай.

– Н-нужно предупредить Марика.

Мать схватила дочь за руку и сжала ее так крепко, что она начала синеть.

– Даже не думай об этом. Он и так принес нашей семье много печали. Я не позволю тебе его спасти!

– Мама, о чем ты... Ай! Отпусти!

– Нет, даже не посмею! Вспомни, как он издевался над твоим старшим братом! Как он с удовольствием крутил его на колесе и крушил его руки... И ты хочешь его спасти?

Дочка вырвалась из захвата и закричала:

– Нет, не помню и знать не хочу! Это все вы! Из-за вас теперь Марк живет как крыса! Я ненавижу вас! Ненавижу тебя!!

Ульяна оттолкнула матушку в сторону и вбежала в дом.

Они обе заплакали, и оба почувствовали, как внутри них что-то исчезало.

Их счастье медленно сгорало...

Глава 7 – Часть 3 – Буря

Они пришли рано, когда солнце было готово показаться из-за горизонта. Лучи ее осветили всадника, стоявшего на холме, в тяжелой броне и с шрамом на голове. Осветили и головы на пиках, которые уже стали подгнивать.

Всадник учуял зловонье и снял головы. Пики были острыми. Они буквально дрожали от нетерпения получить новую кровь. Всадник оскалился.

Он вытащил из сумки, которая весела на лошади, небольшой амулет с изображением мужчины, который держал скипетр и саблю вместо державы, как обычно было принято. Помимо этого, была еще одна черта – у мужчины не было лица, только борода и шапка. Всадник прижал амулет ко лбу и произнес молитву, которая заканчивалась так: «...И да прибудет царствие твое, о Дмитрий Великий», после чего повесил амулет себе на шею.

Всадник посмотрел назад, на свое войско. Оно состояло преимущественно из мужчин зрелого возраста. Все они были одеты в белые одеяния, в железные шлема, в руках у них были копья, алебарды, мечи и топоры, и лишь у немногих были факела и странные маленькие бочки, больше похожие по цвету на мини-снаряды для пушки. Всадник сел на своего коня и спустился вниз.

– Мы – войска Дмитрия Великого! Наша благородная

цель – избавить эту страну от нечистых! Да здравствует Речь Посполитая, да здравствует ее истинный король!

– Ура-а, Ура-а, Ура-а-а! – закричали войны как один.

– Братья мои, мы многие месяца бродили по этим землям, которые были осквернены. Мы голодали и не могли найти выход. Но я верю, что дорога эта приведет нас в Краков, в столицу нашу! Мы будем пить и есть столько, сколько захотим, у нас будет столько женщин, сколько желаем. А эти деревни – лишь препятствия, насланные им, дабы испытать нас. Так возьмем же наши оружия в руки, и да прольется кровь нечистых!

– Ура-а-а!!!

– Первый и третий отряд – отправляйтесь вниз по реке, а второй и четвертый – вверх! Я же с пятым отправлюсь прямо! Вперед!

И все, как один, они отправились в путь.

Пятый отряд состоял из тяжелой кавалерии, которая восседала на бронированных конях. Дариус был как рыба в воде. Его оскал только усилился, и теперь больше походил на волчий, чем на человеческий.

– Теперь то мы точно пробьемся в Краков, – сказал он тихо и, надев шлем, вытащил свой меч и указал вперед, на юг.

Пятый отряд устремился за своим командиром. Все остальные, злые и полные желания легкой наживы, уже вскоре нашли свою первую добычу – деревеньку с сотню людьми,

и преимущественно со стариками и больными. Их оставили, так как они замедляли других. И тут же в одном из домов произошел оглушающий взрыв. Осколки заделали второй дом, а затем взорвался третий. Старики, не зная, что делать, выбежали из домов, где их уже ждали. Их рубили и кромсали, терзали и жгли заживо, оставляя только кровавые ошметки. Паника, которая охватила всех, только ускорила геноцид. Уже спустя каких-то десять минут деревня была истреблена, и те немногие припасы, которые она могла дать, были отобраны и съедены. Двоих женщин (вероятнее всего у них были проблемы с ногами) взяли к себе те, кто покрупнее; уже по пути в другую деревню женщины были изнасилованы. Это, в каком-то роде, спасло им жизни.

Другим отрядам повезло меньше. Они попали на болота, и часть воинов утонуло. Другая часть на следующий день начала хворать и плевать кровью. Никакой добычи, кроме как загадочной болезни, они не получили, однако умирали они с улыбками на лицах. На последних издыханиях они крепко держали амулет с Дмитрием Великим, повторяя молитву раз за разом...

Пятый отряд скакал долго, но очень усердно. Дариус знал, куда ему нужно, и какой путь будет самым коротким – напрямик через Духово, дом Марика.

***

Марик проснулся от жуткого грохота со двора. На ка-

ких-то нечеловеческих реффлексах он схватил первое, что попало ему под руку (кажется, это был сук, занесенный с леса), и выбежал на улицу. Он замахнулся и быстро огляделся, но увидел только тощую лошадь, которая тащила на себе большую деревянную повозку без крыши. Всадник сидел, укутавшись с головой в плащ. Он усердно смотрел на дорогу и старался не встречаться взглядами с палачом.

Как только Марик хотел к нему подойти, то тот со всей силы шлепнул по лошади плеткой, и так как полетела, что чуть не перевернула повозку. Это показалось странным Марик, ведь у них почти не бывает торговцев, да и краем глаза он успел уцепить то немногое, что лежало внутри повозки. Там лежали ткани с подушкой и несколько мешков. Из этого можно было сделать вывод, что это никакой не торговец. Это был один из местных.

– Хоть у кого-то появились светлые мысли, – подметил Марик и потянулся, зевнул, вернулся в дом.

Сегодня на завтрак у него были сушеные грибы и сырое яйцо без соли. Жевал он долго и вдумчиво. На секунду вспомнил вчерашний день и улыбнулся. Правда в то же мгновение он дернул головой, дабы отогнать от себя данные мысли.

А потом ему пришли другие. Он подумал о том, чтобы уйти.

Возможно на него повлиял тот свиток с посланием, а может и вчерашняя ситуация.

Ульяна, пусть она и была взрослой и самостоятельной, очень плохо врет. Она уже наверняка проговорила братику, а тот уже сказал матушке. А может и все наоборот – она сама созналась. Сколько он ее знает, столько и помнил, что матушка его недолюбливала, как бы сильно не старалась держать это в себе.

Марик поник, но не так заметно. Он старался не показаться себе слабым.

Он выбросил яйцо в окно, встал на колени и заглянул под кровать, где лежал черный меч. Взяв его за рукоять, он вытащил его и, схватив двумя руками, почувствовал его тяжесть и смертоносность.

– Прошу... не надо...

Марик дернулся, меч выпал у него из рук. Ноги его подкосились, и тело его рухнуло на пол.

Что это было? Призраки прошлого? Почему он вдруг об этом вспомнил?

В голове его на мгновение появился образ – колесо, на котором был скелет с человеческой головой. От этой мысли Марику стало дурно, и завтрак чуть не вышел обратно. Он побежал на кухню с сушеными травами и окунулся в бочку с водой. Простоял он так минуту и, потеряв остатки воздуха в легких, вынырнул с громким вдохом.

Марик по началу не заметил, что в комнате стало темней. Он посмотрел в окно и увидел знакомый силуэт в черных одеяниях. В мгновение ока он исчез. Марик, немедля

ни секунды, выбежал наружу. Он увидел, как фигура быстро зашагала в сторону площади. Палач забежал внутрь дома, схватил меч и побежал за ней.

Зачем? Зачем он это делает? Зачем он схватил этот меч?

Кто его знает... Возможно, даже сам палач не осознавал, что творит.

Он прибежал на площадь и оглянулся. Нигде не было видно темный силуэт. От долгого бега, от тяжелой отдышки, от боли в ногах палач прислонился к колодцу и посмотрел на небо. Маленькая тучка быстро плыла по синеве, и редкие лучи солнца создавали ощущения, будто ангел восседает на нем и смотрит на Марика.

Марик ухмыльнулся. День какой-то дурацкий, подумал он.

Он пошлепал по карманам и нащупал несколько звонких монет. Самое время выпить. Да и на вряд ли в ближайшее время найдется для него работа. Он повернул в сторону рынка, туда, где стояла местная безымянная корчма.

Пока он шел и размышлял о чем-то своем, его глаза никак не могли найти себе покоя. Они искали хоть кого-то. Улицы казались опустевшими, как и дома.

Может сегодня какой-то праздник? В таком случае Марику место не заказано, но он хоть посмотрит, что и как.

Войдя на рынок, он не увидел никого из знакомых. Лавки пустовали, двери несколько домов вообще стояли нараспаш-

ку. Марик напрягся, сжал крепче меч и подбежал к булочной. Никого. Никто не отзывается. Он прикоснулся к печке — холодная. Быстрым шагом он вышел из здания и устремился в корчму.

Пусто.

Это что, какая-то шутка?

— Мари-и-ик!

Его имя разнеслось эхом. Улицы задрожали, как и все его тело.

— Ульяна?

Марик выбежал и увидел, как надвигается туман, а сквозь него на всех парах мчится девочка. Да, это была Ульяна. И слезы ей мешали кричать.

Марик помчался к ней.

Они встретились лицом к лицу, и Ульяна прыгнула ему в крепкие объятия.

Она плакала.

— Ну, ну, что случилось?

— Прости меня, Марик... Я... Я такая дура...

Он посмотрел ей в глаза, а так не могла даже взглянуть на него.

— Я сбежала...

— Опять?

— Нет, это... Это другое. Они тебя бросили, Марик. Я сама только узнала об этом вчера.

Ульяна все рассказала Марику. Все до мельчайшей дета-

ли. И сказать то, что палач был в полном шоке, ничего не сказать. Он знал, что у него отношения с местными не сложились еще с раннего детства, но этот поступок полностью сломил его.

– Пошли, Марик. Я найду способ, как протащить тебя в караван. Ну же, ну!

– Нет, Ульяна, – он положил ладонь на ее голову, – не волнуйся за меня. Это место – мой дом, моя крепость. Тут я вырос, тут я и хочу помереть. Но теперь свободным человеком.

– Марик... нет, не надо... Я же... я... Я же твоя лучшая подруга. Ты – моя семья!

Она поцеловала его. В губы. Горячо и нежно. И слезы ее обжигали его лицо.

– Прости меня, дурака. Ты должна вернуться.

– Нет, без тебя я–

– Не волнуйся, я тебя не брошу, – Марик поднялся, опираясь на свой меч. И на секунду он блеснул. – Я и так сильный. Но чтобы стать сильнее, я должен защищать тех, кто мне дорог.

Он прикоснулся к ее щеке своей рукой.

– Я не брошу тебя, – повторил он.

Ульяна, полная радости и тепла, улыбнулась, и пусть слезы ей мешали дышать и говорить, она произнесла «я люблю тебя».

Они оба отправились вглубь тумана.

Однако...

***

– Сжечь здесь все дотла!

Отдаленный ржавый голос промчался мимо уха Марика, как и горящая стрела. Она достигла свою цель – траву у одного из домов.

Марик обернулся и увидел сквозь туман, как несколько огней быстро приближались к нему. Он схватил Ульяну на руки и помчался прочь, словно ветер.

– Боже, кто это? – трясясь спросила Ульяна.

– Явно не те, кто желает нам счастливой жизни, – ответил ей Марик.

Один из огней блеснул чем-то на свету, а после набрал скорость. Лишь в паре метров от себя Марик заметил голову коня, а вместе с ним и огромный наконечник копья. Марик откинул голову назад, и лезвие прошлось по его груди, не задев девочку. Марик сжал покрепче рукоять меча и сделав разворот вокруг своей оси нанес сокрушающий удар. Раздался короткий крик, и лошадь рухнула, проехав так несколько домов, а вместе с ней и тот, кто ею управлял.

Марик ускорил ход. Удар был таким сильным, что чуть не сломал ему руку. Так еще и Ульяна, которая тряслась и была готова в любой момент упасть.

– Все хорошо, все хорошо, все хорошо... – повторял Марик.

Мимо его ноги пронеслась стрела, а затем еще одна, кото-

рая угодила ему прямо в голень. Марик закричал, но чтобы не сбавлять ход перешел на прыжки. Он завернул за ближайший дом и засел. Несколько огней пронесли мимо него.

Послышались голоса:

– Что с ним?

– Походу лошадь поскользнулась и– О Великий, посмотри на него. Его почти разрубило пополам.

– Тут что, тролль поселился?

– А если это так, то...

Послышался другой, воодушевляющий голос:

– Не бойтесь, братья. Будь то тролль или дракон, мы справимся! Наша сила велика, а дух и то сильнее! С нами Дмитрий!

И это, как ни странно, придало всем уверенности.

– Готовьте шашки!

– Марик, ты как?

– Я... в порядке.

– Какой еще «в порядке?» посмотри, ты еле стоишь. Ох, Боже, в тебя стрела попала!

– Ничего, сейчас уберу.

Марик сжал покрепче зубы и сломал стрелу на двух концах.

– Чтобы кровь не вытекала, – добавил он и, схватив девочку, заковылял на другую улицу через дома.

Из-за ранения шли они долго. Но, возможно, это их и

спасло, так как дом, который стоял от них довольно таки близко, взлетел на воздух. Огромный столб дыма и осколков вырвался из его стен. Марик закрыл своей спиной свою возлюбленную. Так даже пискнуть боялась.

Марик огляделся, и понял, что другой дороги нет. Он схватил девочку на руки и, не смотря на муки, пробежал под огнем. Как только пламя миновало, он упал и схватился за ногу. Девочка упала вместе с ним, но быстро вскочила и подбежала к раненной ноге – она стала кровоточить.

– Нужно перевязать чем-то.

– Вот, – после не долгих раздумий Ульяна сняла с себя фартук, – это поможет?

– Д-да, должно...

Марик крепко перевязал рану и от боли скрутился, как бараний рог.

– Эй, тут кто-то есть! – услышал он чей-то крик, а затем шлепок.

Сквозь туман показался человек, одетый в тяжелые доспехи. В руках у него была сабля. Он покрутил ею и так, и сяк, а затем побежал, рассекая клинком воздух.

– За Дмитрия! Умри, неверный!

Ульяна задрожала, а Марик вовремя схватил руку всадника. Он держал ее так крепко, как только мог.

– Ах ты тварь! Пусти!

Всадник ногой ударил лицо Марика, а затем другой рукой по руке его, и даже хватку он не ослаблял. Марик сжал ру-

ку сильнее, и почувствовал он, как металл стал деформироваться. Всадник застонал, затем закричал и упал на колени.

– Давай, Марик, покажи ему! – истерично закричала Ульяна.

– Заткнись, сучка! – закричал ей в ответ всадник.

Эти слова были для Марика как тряпка для быка. Он потянул всадника вниз, скрутил его руку, другой рукой схватил его шею, а ногами все его тело.

– Невер... ны... как ты... агх!

– Никогда... не смей... оскорблять ее...

Марик отпустил руку всадника и тут же схватил голову его.

ХРЯСЬ!

И все затихло.

Бездыханное тело расслабило мышцы. Оно свалилось с тела Марика лицом вниз, как мешок с картошкой.

Дрожащие пальцы Ульяны коснулись губ; она сдерживалась, чтобы не заплакать. Ее глаза были полны ужаса.

Она ненавидела пытки. Она находила любые отмазки или причины, чтобы не идти на «выступления» Марика. Сам Марик, как вы поняли, не был ей противен. Она сама это поняла не сразу, а тогда, когда он с великой скорбью хоронил очередного чужеземца. Она увидела в нем сгустки человечности, в отличии от остальных жителей.

И вот сейчас был ее первый раз.

Марик, весь в грязи и саже, с пробитой ногой еле-еле подавал силы. Он перевернулся на живот, уперся руками об грязь. По спине его прошелся легкий холодок, а затем капли дождя. Он посмотрел на Ульяну, протянул ей руку. Но в ответ ничего не получил. Какой-то инстинкт заставил ее отодвинуться, встать посреди двух огней. Марик понял, что произошло.

– Такова моя участь, Ульяша, – произнес он, кряхтя, вставая. – Я палач. От этого не отмыться. И руки мои всегда будут покрыты кровью. Без этого я... не смогу защитить тебя.

Марик взял свой меч и, упираясь на него, зашагал, прижимаясь к стенкам домов. Голова его была подобна пустой чаше. Он почувствовал, как от него отдаляется та, которая подарила ему себя...

Он замер.

Он почувствовал, как к нему прикоснулось что-то очень теплое, сопоставимое с жаром лавы.

Ульяна сильно сжимала его бедра, не давая сделать ни шагу дальше.

– Прости... я снова тебя обидела.

– Снова слезы льешь, да? Ну же, выше нос, я не обиделся.

Просто... устал.

– Я знаю... прости...

– Ага.

Они снова взяли за руки.

Их связь снова крепка, как никогда раньше.

– Я больше не хочу идти. Это похоже на побег.

– Устала?

– Да... Я устала убежать. Пойдем домой. Думаю, он еще цел.

Она потащила Марика к себе домой. Хорошо, что местные улицы она знала, как никто другой.

Дом был таким же целым. Вблизи он казался таким маленьким и уютным, будто созданный для них двоих.

– Хочешь остаться тут? – спросил Марик.

– Да, с тобой, в кругу семьи.

Они вошли внутрь.

В коридоре никого не было, даже крысы. Стояла лишь тьма и ветер. Стол со стульями перевернуты, посуда побита, печка была полная сажи. Лестница на второй этаж была мокрой и холодной.

Они поднялись наверх, прямо в комнату родителей. Там стояла большая деревянная кровать с тремя подушками и одеялом.

Ульяна отпустила руку Марик и спросила его:

– Помнишь, что было вчера? Тогда, в лесу?

– Ага, – ответил он, – до сих пор не вериться.

– Ну... я тогда тебя обманула, прости...

– Чего? Как это?

– Я решила пошутить над тобой, а то ты был таким напряженным и...

– А... ага, понято... И на этот раз ты решила?..

– Да, – Ульяна расстегнула свое платье, оголив нежную спину, – теперь я не шучу. Я хочу перестать ребячиться.

Она легла на кровать и протянула ему руки, которые сжимали ее грудь.

– Ну же, вперед. Хи-хи...

***

– Сир Дариус, взгляните!

Один из всадников остановился рядом с одинокой бронированной лошадью. Вскоре к нему подъехал Дариус и потребовал пояснений, по каким причинам его отвлекли.

– Взгляните, Лука погиб.

– Лука? А, тот парень из лагеря? Помню. И почему он погиб, его камнем придавило, когда дом взорвался?

– Никак нет, сир! Его шея свернута, сир!

– Свернута? Что за вздор? Неужели тут есть еще кто-то, помимо нас?

– Сир, у меня есть предположение, – сказал всадник после недолгого раздумья. – Возможно, это тролль, про которого говорил Андре.

В следующую же секунду он получил шлепок по щеке, и даже через шлем удар казался чудовищным, да таким, что всадник упал на землю.

– Ты что, шут? Какой еще тролль в таких местах?

– С-сир, я ничего не утверждаю, но... Но вы оглядитесь.

Здесь никого нет, кроме неизвестного, который разрубил одного и скрутил шею другому.

Дариус задумался. Слова его задели.

Он снял шлем, и оскал его снова стал «обычным», человеческим.

– Если это и так... Если здесь и вправду завелся «тролль», то нам необходимо его заполучить. Созывай всех. Прикажи обыскать каждый дом. Держитесь рядом и не расходитесь.

– А... А вы, сир?

– Я сам. Эта скотина заплатит мне сполна.

– Н-но вы же сами...

– Отставить разговоры! На коня и марш на поиски!

Дариус забрался на коня и помчался на поиски своего врага.

– Эти придурки никогда не найдут тебя. А я тебя чую...

– он оскалился. – Жди меня...

***

Они оба сидели на кровати, оба красные, как помидоры, и оба счастливые. Ульяна гладила руку Марика, медленно переходила к плечу и опускалась к спине. Марик сидел на краю кровати и смотрел на густое небо.

– Скажи, Марик, а что тебе нравится?

– В каком плане?

– Ну... обычно ты всегда чем-то занят, и я никогда тебя не замечала за другой работой. Ты очень редко заходишь в

кабаки... Но это все не то!

– Тогда что тебе нравится?

– Вышивать. А еще петь.

– Да ну? Ты петь умеешь?

– Да.

– Как гордо... Тогда спой что-нибудь.

– Эм, ну... Я петь люблю, но... не умею.

– Никогда не поздно научиться. Я вот подумал над твоим вопросом. И знаешь, что? У меня есть то, чем я люблю заниматься. Читать.

– Вау, ты читать умеешь?

– На таком же уровне, как и ты петь.

– Значит мы оба будем идеальной парой. Оба будем учиться, оба будем с друг дружкой практиковаться... Эй, ты чего смутился?

– Я, да нет, ничего...

– Вот пошляк, ха-ха-ха... Что, мало?

– Ну, знаешь ли, когда это с тобой, то...

– М? Что, «то?»

– То это как-то необычно.

– Значит у тебя были до меня кто-то?

– Эм... Я бы так не сказал. К-короче говоря, ты у меня первая, я у тебя первый! Все.

– Не-а, так не пойдет. Рассказывай.

– Стой, я что-то слышу.

– Ой, хватит отма-А-А-А!–

Все произошло в одно мгновение. Сначала стекло разбилось, затем пробило стену вместе с полочкой, на которой стояли кружки с кувшином.

Марик спрыгнул с кровати, схватил девочку и спрятал ее за кроватью.

– Эй, тролль! Я знаю, что ты там. Выходи по-хорошему и сразись со мной!

– Какой еще тролль? – недоумевала Ульяна.

– А мне по чем знать?

В следующую секунду прилетела вторая пика, и на этот раз она пробила спинку кровати, превратив ее в месиво. Кровать подпрыгнула и с грохотом упала на пол.

Ульяна завизжала.

– А-а-а, так ты еще и девицу захватил с собой. Ну мне то все равно, а вот людям моим она как раз составит прекрасную компанию.

Марик на корячках подполз к окну и криком спросил:

– Кто таков? Зачем на поселок напал?

– Я и не думал, господин тролль, что это твоя территория. Я думал взорвать тут пару домов, собрать все, что по праву принадлежит Дмитрию Великому и отправится дальше, в Краков. Но поскольку ты тут засел, нам не поделить эту землю!

И тут у Марика что-то переклинило. Вот его шанс бежать!

– Эй, там, внизу! Мне не нужна эта земля. Я тоже хочу отправиться в Краков! Сделаем так, ты...

Однако очередная пика, пролетевшая буквально перед глазами Марика, прервала его переговоры.

– Ты трус, тролль! Уж не знаю, какие у тебя планы в Кракове, но я не дам им исполниться. Краков – святая святых, дом родной Дмитрия Великого! А вы все, те, кто не верует в его могущество – нечестивые! Вы грязь! Вам никогда не понять его гений! А теперь спускайся и сразись со мной как мужчина, иначе я разнесу дом под чистую!

– Все, все! Я понял, поня-ял! Спускаюсь.

Марик встал и зашагал к коридору, но его остановила Ульяна встав поперек прохода.

– Ульяна, я должен.

Ульяна надулась, а затем поникла. Глаза ее превратились в стекла полные печали и страха.

– А вдруг ты погибнешь, – она упала на колени. – Я же только зажила прекрасной жизнью...

Он взял ее под руки и поднял на уровень своих глаз. Ульяна посмотрела на него, и страх будто испарился.

– Ульяна, ты – моя семья. Я сильный, ты сама сказала мне это. И я способен защитить тебя и наш с тобой дом. Поверь в меня, прошу. Поверь в мою победу!

Он обнял ее крепко-крепко, и стоял он так с ней целую минуту, но казалось, что прошла целая вечность...

– Ох, а я уже думал бросать еще одну пику!

Дариус, сидевший на своем коне, не по-человечески оскалится, заметив в проходе огромную фигуру, на плече которой лежал огромный черный меч.

– Значит ты этим кликом разрубил моего человека? Похвально! Да, в отличии от других я уважаю своего врага, и потому разрешаю тебе назвать свое имя, перед тем, как мы скрестим мечи.

Марик опустил свой меч в земли, и раздался глухой удар.

– Звать меня Марком! Я – палач этого поселка! И это мой дом, и внутри него – моя женщина!

Голос его был другим, более хриплым и громким. От него аж задрожали стекла домов.

– Зовут меня Дариусом из Полоцка. Я – один из верховных паладинов Дмитрия Великого, истинного короля Речи Посполитой. И сегодня, тролль по имени Марк, мы решим, кто достоин этой земли.

Дариус спрыгнул с коня. Он взял в одну руку пику, в другую – саблю, причем на столько кривую и зазубренную, что один взгляд на нее мог вызвать ужас. Марик же двумя руками взялся за рукоять и выставил клинок вперед. Меч его, темный, как сама ночь, блеснул и заискрился.

– Какой интересный клинок. Такое чувство у меня, что я его где-то встречал. Ну да ладно. Готовься к смерти, тролль!

Рывок!

И еще рывок!

И сам мир скривился под тяжестью перового удара!

Палач нанес мощный сверху, но Дариус его отразил, скрепив пику с саблей. Раз, и черный меч был откинут верх ловким ударом снизу. Дариус отпрыгнул и бросил пику, но Марик вовремя выставил меч остреем вперед и снаряд разрезо-ло пополам.

– А ты не промах, Марк. Хорошо, покажи мне еще. Докажи, что достоин!

И снова атака.

Дариус запрыгнул на коня и помчался напрямик на Марика, но палач, вложил все свои силы в клинок, провел им по земле и нанес рубящий удар снизу, задев сразу передние ноги животного. Конь заржал, и рот его покрылся пеной, а глаза – кровью.

Марик встал на колено – меч застрял в кольчуге, но это дало Дариусу преимущество и он, удержавшись одной рукой за гриву, а другой перевернув саблю наконечником вниз, вонзил ее прямо в плече Марику.

Марик вскрикнул и казалось, что победитель предрешен, но палач пошел напролом – он встал с колен и потащил клинок вперед, буквально прорезая себе путь. Конь встал на дыбы, и ноги его свисали лишь на коже, и тогда Марик снова совершил пируэт.

Он набрал скорость клинку путем раскрутки и одним мощным ударом разрезо-вал коня пополам, и задев Дариуса. Конь погиб моментально, а Дариус, спрыгнув со седла, при-

землился недалеко от палача.

Он выставил свой оскал, но теперь это был не просто звериный, а демонический. Марик задел его руку, и пока Дариус медленно шагал к своему врагу, она отвалилась.

– Да, ты достоин этого места. Но ты не достоин забрать мою жизнь. Я – Дариус, один из паладинов Дмитрия Великого, не позволю какому-то троллю зарубить меня!

ШМЯК-ХРЯСЬ!

И все застыло.

Глаза Дариуса покрылись кровавой пеленой, тело его не могло пошевелиться. Он затрясся, но только так он смог взглянуть вниз. Внутри его живота торчал толстый черный кленок. А впереди него на колене стоял Марик, покрытый с ног до головы кровью.

– Ты... не просто... нечестивый... кха! Я... вспомнил... меч... чертов... палач... ах...

И он грохнулся на колени, и лицо его было направлено вверх. Рука его, которая тянулась к амулету, застыла.

– Я... достоин.

– Марик! – крикнула Ульяна, выбежавшая из дома.

Она обняла его, даже не смотря на кровь.

– Улья...на...

– Ч-что?

– Я... победил... Я... достоин...

– Марик?... Нет... Марик...

В тот день пожары все потухли.

Войско Дмитрия Великого не смогло справиться со своей задачей: кто-то погиб, кто-то был схвачен в плен литовцами, а кто-то и вовсе дезертировал.

Казалось, победа, но какой ценой?

Спустя несколько дней все жители села вернулись обратно. Города не приняли их, ибо без них крупные города были забиты. На въезде их встретила Ульяна, покрытая грязью и кровью. А рядом с ней был труп Дариуса.

Матушка Ульяна первая подбежала к ней и крепко обняла. Она принялась извиняться, но девочка успокоила ее.

– Все хорошо, матушка. Он защитил нас.

... она взяла руку ее и прислонила к своему животу.

– Теперь он родиться свободным человеком, – добавила она с улыбкой.

– Но... где же Марк?

Ульяна хихикнула.

– Кто знает. Но для меня он всегда останется в сердце.

И среди деревьев и кустов шагала темная фигура, и в плече ее была сабля. А на другом плече лежал грузный темный меч, чей клинок касались рыжие волосы.

«...потерявший свой верный меч ждет его в Кракове».